

ПРОЛОГ

Москва
1926 год

Теплым июльским вечером, в час, когда на улицах гоняет мяч детвора, а в окнах еще не зажигают огни, по Кадашевскому переулку шла молодая женщина, одетая в легкую кофту и юбку из серой чесучи. В ее руках были саквояж и картонная папка, в каких обычно художники носят рисунки. Белая, похожая на шлем панама надвинута на глаза, загорелые ноги, обутые в парусиновые туфли, твердо ступали по нагретой за день брусчатке.

На углу у кондитерской она пересекла улицу и свернула во двор.

— С возвращением, Зося Владимировна. — Соседская старуха, служившая нянькой у жильцов в третьем подъезде, заковыляла навстречу. — Что-то вы рано с отдыха воротились!

— Здравствуйте, Матрена Яковлевна. — Женщина поставила саквояж на скамью: — Со службы телефонировали. Пришлось срочно уехать.

— Что ж Иван Васильевич не остался? — Старуха одернула цветасный подол и ту же затянула концы платка у подбородка.

— Иван Васильевич как раз остался в Гурзуфе. — Зося Владимировна почему-то смутилась. — Он оттуда сразу в командировку поедет.

— Погодь, милая... — Любопытствуя, нянька наблюдала за девочкой лет пяти, играющей в мяч. — Не его ли я встретила ночью, покуда кошку нашу искала? Вышла во двор — темно.

А тут — он, в шляпе, в пинжаке. Я ему: здрасьте, Иван Васильевич. А он вроде как не узнал, а только шляпу поправил.

— Ошиблись вы, бабушка. Мой муж в Гурзуфе отдыхает, в санатории «Наркомпути»¹. А через несколько дней поедет в гости к азербайджанским товарищам.

— Что ж его, голубчика, туды понесет?

— В Азербайджане запускают первую в стране электрифицированную линию железной дороги — Баку — Сабунчи. Слышали? По радио говорили.

Старуха вытерла губы кончиком платка:

— Нет, милая, не слыхала.

— Это величайшее достижение советской науки. От Сабунчи рукой подать до Апшеронского полуострова с его нефтесмолами. Вы же знаете, советской промышленности крайне нужна нефть.

— Улька! Улька! Куды?! — Старуха с ходу переключилась на девочку и, не простившись, побежала за ней.

Зося Владимировна взяла саквояж и вошла в подъезд черного хода (парадное пять лет назад забил досками управлением). Поднимаясь по лестнице, она думала, что и правда хорошо бы, Иван Васильевич вернулся в Москву на аэроплане и встретил ее на пороге квартиры. Начальнику управления «Наркомпути» никто бы не отказал в перелете. Но правда была в том, что на отдыхе в Гурзуфе Иван Васильевич спутался с медицинской сестрой. Узнав об измене, Зося собрала чемодан, села в поезд и, не дожидаясь окончания путевки, уехала.

---

¹ Общесоюзный Народный комиссариат путей сообщения.

На втором этаже она поставила саквояж возле двери, достала ключ, отомкнула замок и прошла в кухню. Оттуда, через коридор — в кабинет мужа.

Огляделась и, убедившись, что там его нет, сняла шляпку и бросила ее на диван. Взяла с камина коробку с папиросами «Ява», прошла к окну и, чиркнув спичкой, закурила.

Через улицу, напротив ее дома, высилась колокольня и пятиглавый храм Воскресения Христова. В нем десять лет назад они с Иваном Васильевичем повенчались. Вспомнив про мужа, Зося потушила папиросу и задернула тяжелые шторы. Прошлась по кабинету, села за письменный стол, положила на него локти и стиснула руками лицо.

— Боже мой... — низким голосом проговорила она, бездумно глядя на дверь.

Та вдруг открылась, и на пороге появился рослый мужчина.

Сначала Зосе показалось, что это муж, она даже встала, чтобы выйти навстречу, но потом сообразила, что это — чужой человек, одетый в парусиновую толстовку Ивана Васильевича. На его ногах были мужнины домашние туфли.

Он замер, потом усмехнулся, прошел к камину и взял чугунную кочергу. Заглянув в его глаза цвета холодной стали, Зося оцепенела от страха, потом нащупала под столешницей секретную нишу, взяла револьвер и сняла его с предохранителя, как учил когда-то Иван Васильевич.

— Кто вы такой?! — крикнула она и выставила перед собой револьвер.

Незнакомец бросился к ней. Грянул выстрел, он пошатнулся, но все же успел ударить Зосю по голове, после чего сам рухнул на пол.

Обливаясь кровью и прилагая невероятные усилия, она выползла из квартиры и, оставляя кровавый след, съехала на животе по лестнице на первый этаж. На короткое время потеряла сознание, но снова пришла в себя

На улицу Зося выбралась полумертвой. К ней подкатился мяч и, ткнувшись в голову, остановился в кровавой луже.

Прибежала девочка Уля:

— Няня! Няня! Смотри, здесь тетя лежит!

Увидев окровавленное тело, старуха кулем осела на землю и сильным голосом завопила:

— Уби-и-или! Люди добрые! Человека убили!

Зося будто нехотя взглянула на нее, потом закатила глаза и обмякла.

ГЛАВА 1

НЕВОЗМОЖНОЕ

Расстояние от автомобиля до подъезда — всего несколько метров. Солнце спряталось, но тяжелая, липкая духота висела в воздухе, льнула к телу и превращала жизнь в сущий кошмар. Взглянув на небо, Надежда сняла очки. В такую жару всякое существо стремилось в прохладу и жизнь сводилась к перебежкам от одного кондиционера к другому.

«Дождь был бы кстати», — подумала она, поднялась на крыльцо и дернула за дверную ручку. Та не поддавалась. Надежда вдавила перламутровую кнопку звонка. Ожидая, пока откроют, взглянула на металлическую табличку с надписью «Ателье Надежды Раух» и тут же решила:

— Невыразительно, нужно сменить.

Дверь отворилась. Открывший ее охранник посторонился:

— Здравствуйте, Надежда Алексеевна. Вы сегодня раньше обычного.

— Здравствуйте. — Она прошла внутрь помещения. — Ирида Самсоновна здесь?

— Уже больше часа...

— Надя! — По лестнице навстречу ей спускалась высокая интеллигентная женщина лет шестидесяти. — Идем к тебе в кабинет!

Они прошли через большую гостиную, поднялись по узкой изящной лестнице с витыми перилами и зашагали по коридору. Остановившись у двери, Надежда спросила:

— Что случилось, мама?

— Будь моя воля, давным-давно уволила бы твоего кутюрье. — Слово «кутюрье» в ее устах прозвучало насмешливо, почти издевательски.

Надежда отомкнула замок, пропустила Ираиду Самсоновну, вошла следом и прикрыла за собой дверь.

— Толком Расскажи. — Она поставила сумочку на стол и опустилась в глубокое кожаное кресло. Оглядев статную фигуру матери, отметила, что та хорошо выглядит и светло-голубой костюм ей к лицу.

Когда-то Ираида Самсоновна работала манекенщицей. В ателье висели ее фотографии из модных журналов, на которых она была еще молодой. Теперь Ираида Самсоновна помогала дочери, хозяйке ателье, дизайнеру и центру этой маленькой швейной вселенной. Благодаря им обеим помещение в два этажа, являвшееся частью старинного дома, приобрело очарование, под воздействием которого рождалось абсолютное доверие к портновскому мастерству.

Особую власть над клиентами имела витрина с натуральными именованными тканями, производившими впечатление раритетной экспозиции. Устойчивая зависимость возникала у искушенных дам с первого взгляда. От заказчицы здесь требовалось только желание сшить красивую вещь. Остальное на себя брала Надежда Раух. Она не знала поражений, даже в случаях, когда дамские грезы существенно расходились с внешними возможностями.

К тому же хозяйка ателье была прекрасно информирована обо всем, что происходит в мире моды — дважды в год бывала на престижных показах в Милане, сама выбирала итальянские ткани и образцы от-кутюр, по которым училась вместе со своими мастерами. Придирчиво разбирая каждую

деталь, она радовалась новым знаниям. Радовалась, и когда находила огрехи. Тогда она с гордостью обращалась к своим закройщикам:

— Видите? Мы то же самое делаем лучше!

Надежда Раух жила интересами своего ателье. Это знали все, как и то, что попасть туда с улицы невозможно. Однако, попав к Раух по высочайшей рекомендации и получив готовый наряд, заказчица понимала, что и в родном отечестве есть свои «Страдивариусы».

Сегодняшним утром Надежде позвонила мать и, не объясняя причины, потребовала срочно приехать. Сама она уже была на работе.

— Объясни наконец, что стряслось? — повторила Надежда.

— Этот твой «кутюрье» запорол брючный костюм Ирины Ивановны.

— Рыбниковой? Из партии «Возрождение демократии»?

— У нее сегодня примерка, — сказала Ираида Самсоновна.

Надежда встала с кресла, потянулась к сумочке, достала пачку сигарет и подошла к окну. Прикурив, откинула голову, чтобы дым от сигареты не ел глаза, и наконец спросила:

— Что именно запорол?

— Надя, прошу тебя, не кури...

— Мама, прошу тебя, не сейчас!

— Брюки окоротили, — виноватым голосом сообщила Ираида Самсоновна.

— На сколько?

— На пять сантиметров.

— Кто это сделал?

— Портная.

Надежда обернулась и с укоризной взглянула на мать:

— Фамилия у портной есть?

— Федорова.
— Как же так? Светлана Григорьевна — опытная швея.
— Дело не в ней, а в твоём «кутюрье».
— Соколов — превосходный закройщик. В чём его вина?

— Неправильно отметил длину. Будь моя воля, давным-давно бы его уволила...

— Ты уже говорила. Что будем делать?

— Не знаю. — Ираида Самсоновна подошла к дочери и протянула руку: — Дай и мне сигарету.

Несколько минут они молча курили, глядя в окно. Через улицу, напротив, высилась шестиярусная колокольня и пятиглавый храм Воскресения Христова.

— Что это? — Ираида Самсоновна указала на темную точку, кружившую вокруг колокольни.

Надежда ответила:

— Дрон. Кто-то снимает панораму на видео.

Небо над храмом стремительно затягивала огромная туча. Она была неотвратима и черна, как неминуемая беда или злой рок. Издалека донесся приглушенный раскат грома.

— Дождь будет, — проронила Ираида Самсоновна.

— Так даже лучше.

— Нужно что-то придумать...

— Позвони в цех, пусть принесут костюм, — сказала Надежда и, пока Ираида Самсоновна звонила по телефону, продолжала курить, глядя в окно.

Когда по оконному карнизу ударили первые тяжелые капли, в дверь постучали.

— Войдите! — Надежда затушила сигарету и обернулась.

У входа стоял пожилой мужчина, бледный, как его выбеленный хлопчатобумажный жакет. Седые волосы вол-

ной вздымались над испуганным, классически красивым лицом.

— Доброе утро... — произнес он дрогнувшим голосом.

— Здравствуйте, Валентин Михайлович. Почему не пришла Федорова? — спросила Надежда.

— Сердце у нее прихватило...

Ираида Самсоновна забрала из рук закройщика черный костюм из шелковой ткани и положила его на стол.

Сдернув с плечиков брюки и осмотрев их, Надежда Раух заметила:

— Да-а-а...

Валентин Михайлович нервно потер руки:

— Это — моя вина. Только моя... Отметил длину мыльцем, а меточка стерлась...

— Вас разве не учили отмечать длины ниткой? — Вопрос Ираиды Самсоновны прозвучал как обвинительный приговор.

Соколов опустил голову:

— Простите...

Глядя на него, Надежда ощущала неловкость от того, что этот пожилой, заслуженный человек винился перед ней и так глубоко переживал свой промах. Покрутив брюки в руках, она предложила:

— Можно выкроить новые.

— Нельзя, — сказала Ираида Самсоновна.

— Почему? Кажется, костюм шит из нашей ткани.

— Она закончилась. Ее просто нет.

Надежда выдвинула ящик стола и вынула из него сантиметровую ленту.

— Принесли мерки Рыбниковой?

— Вот! — Соколов положил на стол бумажный листок.

Несколько минут Надежда вымеряла длины штанин. Валентин Михайлович внимательно наблюдал за ней, готовый в любую минуту дать объяснения.

— Ну, вот что... — наконец заговорила она и указала на низ штанины: — Нужно укоротить еще на три сантиметра.

— Что?! — Валентин Михайлович в ужасе отпрянул.

— Укоротить и заузить ниже колена, — повторила Надежда тоном, не допускающим возражений.

— На сколько? — испуганно переспросил Соколов.

— Ширина брючины внизу должна быть не больше девятнадцати сантиметров.

Он замотал головой:

— Это окончательно погубит все дело. Рыбникова нас уничтожит!

— У вас есть четыре часа. Примерку буду делать сама.

Когда закройщик ушел, Ираида Самсоновна схватилась за щеки, и ее красивое лицо исказилось:

— Нет... Это выше моих сил, — прошептала она.

* * *

Гостиная ателье «Надежда Раух» являла собой просторное помещение, по стенам которого стояли антикварные шкафы и застекленные горки. На их полках хранилось множество красивых вещей. Фарфоровая посуда, изящные статуэтки, столовый текстиль: старинные салфетки и скатерти, украшенные плауэнским кружевом или отороченные узорчатой каймой ришелье. В угловой витрине разместились винтажная коллекция сумочек с прелестными фермуарами, среди которых выделялись театральные, вышитые в технике «Petit

point»¹ и напоминавшие маленькие старинные гобелены. Кресла, банкетки, диваны различных видов и стилей, расставленные на двух огромных коврах, сияли парчовой обивкой и гнутыми, с золотом ножками. У старинного секретера красного дерева, за столом маркетри², сидела администратор — ухоженная девушка в белой блузке.

Со стороны лестницы, ведущей в административную часть ателье, к ней подошла Надежда:

— Виктория, нужно поговорить...

Девушка немедленно встала. В гостиной появилась Ираида Самсоновна. За ней с костюмом в руках вошел Валентин Михайлович. Ступая по мягкому ковру, они приблизились к секретеру.

Обращаясь к закройщику, Надежда спросила:

— Ну что?

— Все сделали, как вы приказали.

— Могу быть в этом уверена?

Склонив голову, Соколов снял с шеи сантиметровую ленту и протянул ее Раух.

— Это лишнее, — сказала она и поочередно оглядела всех, кто стоял рядом. — Теперь мы все должны согласовать свои действия. Виктория, — Надежда указала пальцем на девушку, — следите за монитором. Когда подъедет машина Рыбниковой, звоните Ираиде Самсоновне...

— Не нужно, — сдержанно проговорила Ираида Самсоновна. — Я сама встречу Ирину Ивановну. Подожду в гостиной, пока она не придет.

---

¹ Маленький полукрестик.

² Столик, инкрустированный шпоном.

Надежда мельком взглянула на напольные часы, что стояли в углу:

— Предупредите охранника, чтобы не отлучался от двери. Как только Рыбникова взойдет на крыльцо, пусть тотчас откроет.

— Прослежу, — кивнула Виктория.

— После того как Ираида Самсоновна проводит Рыбникову в комнату для примерок...

Виктория уточнила:

— В римскую или в розовую?

— В римскую, там просторнее, — сказала Ираида Самсоновна, и Надежда Раух продолжила, обращаясь к Виктории:

— Сразу приглашайте закройщика.

Валентин Михайлович кивнул:

— Я приношу костюм Рыбниковой.

— Вы приносите костюм, — подтвердила Надежда. — Через минуту появляюсь я и говорю, что проведу примерку сама.

Понимая, к чему она клонит, закройщик поинтересовался:

— И что делать мне?

— Сначала удивиться, потом тихо исчезнуть.

— Все понял.

— Идите в швейный цех и ждите звонка.

Валентин Михайлович бесшумно испарился вместе с костюмом.

— Виктория, будьте готовы к тому, чтобы принести чай... — снова заговорила Надежда.

— Рыбникова пьет черный кофе, — уточнила администратор.

— Тогда принесете кофе. И, пожалуйста, не затягивайте. — Сцепив руки в замок, Надежда ненадолго задумалась, потом заключила: — Это все. Действуем слаженно, и никакой паники.

* * *

Когда приехала Рыбникова, Ираида Самсоновна любезно встретила ее на пороге гостиной:

— Рада видеть вас, Ирина Ивановна. Милости прошу, проходите. — Ее спокойное, благообразное лицо не выдавало ни тени волнения.

— Простите, что задержалась! Дела, знаете... На себя времени катастрофически не хватает, — заметила Рыбникова.

Ее номенклатурный образ был органичен, словно не создавался стилистами и пиарщиками, а вместе с ней явился из чрева матери. Ирина Ивановна выглядела в точности как на телевизионном экране или на фотографиях в журнальных статьях: плоское лицо, скошенный лоб, большие карие глаза немного навывкате, черные волосы до плеч, уложенные, но негустые. По информации в Интернете, ей было сорок. Рыбникова одевалась в брючные костюмы, за исключением тех случаев, когда протокол мероприятия предписывал платье. Но и тогда платье выбиралось нужной длины, чтобы прикрыть мускулистые крестьянские ноги, особенностью которых были тощие щиколотки и небольшие ступни.

Ирина Ивановна умело использовала мимику, язык тела и разнообразные психологические приемы, в зависимости от того, какого впечатления хотела добиться. В ателье она изображала усталость, легкую озабоченность, но в целом была приветливой.

— Миленько у вас... — Эти слова Рыбникова говорила каждый раз перед тем, как пройти в примерочную.

Ираида Самсоновна открыла дверь:

— Сегодня вы — в римской.

Римской примерочная называлась лишь потому, что на стене висел итальянский гобелен, на котором была изображена сцена из древнеримской мифологии.

Как только Рыбникова вошла в примерочную, в дверях появился Валентин Михайлович с брючным костюмом. Намеченная последовательность событий шла своим чередом: закройщик повесил костюм и вышел в гостиную. В ту же минуту Ирина Ивановна увидела Надежду, которая, улыбаясь, шла по направлению к ней:

— Наденька! — Рыбникова положила дамский портфель на чиппендейловский комод¹, раскинула руки и, расплывшись в благодушной улыбке, шагнула навстречу.

Пару раз чмокнув губами, женщины отстранились и с одобрением оглядели друг друга.

— Все хорошеете, — сказала Ирина Ивановна.

Надежда, в отличие от нее, не впала в банальность:

— Рада вас видеть! — Она обернулась к закройщику: — Ступайте в цех, Валентин Михайлович. Я сама проведу примерку.

Рыбникова польщенно заметила:

— Вот уж не ожидала. Не так часто балуете своим присутствием.

— Давно вас не видела. — Надежда обернулась к администраторше, которая стояла в гостиной возле двери. — Принесите нам кофе! — Затем, взглянув на Рыбникову, по-дружески предложила: — Немного поболтаем?

Ирина Ивановна кивнула:

— Пожалуй, у меня есть пятнадцать минут.

---

¹ Стиль чиппендейл, названный в честь британского дизайнера и краснодеревщика Томаса Чиппендейла.

— А нам больше не надо. — Надежда жестом пригласила Рыбникову присесть у венского столика, накрытого кружевной скатертью.

— И где вы только находите подобные изыски, — удивилась Ирина Ивановна и повесила свою сумочку на спинку стула.

— Скатерть? — Надежда Раух провела рукой по шероховатому кружеву. — Ираида Самсоновна увлекается. Это ее страсть.

— Да что вы!

— Моя мать наперечет знает техники вышивок и все виды кружев.

— И что же, у нее большая коллекция?

— Огромная. Значительная часть хранится в квартире, но кое-что — здесь, в ателье.

— Можно?.. — В дверях появилась Виктория, поставила на стол поднос с кофе и удалилась.

— Прошу. — Надежда взяла чашку и, взглянув на небольшой портфель Ирины Ивановны, лежавший на антикварном комодe, спросила:

— Вы, верно, отсюда — сразу на службу?

— Да, знаете, вся в делах, вся в делах... В автомобиле не оставишь — важные документы. Повсюду ношу с собой. Все бы хорошо, но ведь еще сумочка.

— Завидую вам. — Надежда задумчиво улыbnулась и глотнула кофе. — Красивая женщина, успешный политик. И как только успеваете: съезды, заседания, телевидение. — Она положила в чашку кусочек сахара и размешала его ложкой. — Но знаете, вот что я подумала...

— Что же? — вежливо поинтересовалась Ирина Ивановна.

— Вам нужно чуть освежить гардероб. Сделать его современнее и, я бы сказала, чуть молодежнее.

Рыбникова пожала плечами:

— Я об этом не думала.
— И неудивительно. У вас и без того много забот.
— Что конкретно сменить?
— Не сменить, а чуть-чуть изменить.
— Так что же?
— Нам нужно уйти от широких, бесформенных брюк, они делают фигуру громоздкой.

— Но у меня неидеальные ноги, — заметила Рыбникова.

Надежда мягко улыбнулась и тронула ее за руку:

— Это — не приговор. Есть тысячи способов скрыть недостатки и подчеркнуть наши достоинства.

— Вы так убедительно это сказали, что я невольно поверила.

— И правильно сделали. Я много размышляла и вот что придумала. У вас изящные стройные лодыжки и узкие ступни. Очего бы не показать их с красивым загаром и туфельками на высоком каблукe?

— То есть укоротить брюки?

— Не только укоротить, а еще и заузить.

— На это трудно решиться! — Рыбникова чуть отстранилась.

— Видите ли, Ирина Ивановна, мы не гонимся за модой, мы ей соответствуем. А в моде нынче — молодость и здоровье. — Сделав небольшой глоток кофе, Надежда добавила: — И сексуальность.

Последнее утверждение произвело нужный эффект, Рыбникова заинтересованно подалась вперед:

— А что... Почему, собственно, нет?

Надежда Раух поняла, что дело пошло, и подлила масла в огонь:

— Мы не должны идти на поводу стереотипов.

— И вы уверены, что мне это пойдет?

— Абсолютно!

— Ну, хорошо... — Ирина Ивановна улыбнулась: — Давайте попробуем. В следующий раз.

— Почему в следующий? — Надежда Раух отставила чашку, поднялась на ноги и сняла с вешалки черный, плотного шелка костюм: — Давайте сейчас!

— Не хотите же вы сказать... — Рыбникова недоуменно взметнула брови.

Но Раух держала себя в руках:

— Я взяла на себя смелость перекроить брюки потому, что вижу вас в укороченных и зауженных. На мой взгляд, вы — молодая современная женщина, которая не боится экспериментировать.

Оспаривать последнее утверждение было бы глупо, Рыбникова встала и начала раздеваться, сказав при этом:

— Если мне не понравится, вам придется скроить еще одни брюки.

Спустя несколько минут Ирина Ивановна, одетая в костюм, с удовольствием оглядывала себя в зеркале:

— А знаете, вы оказались правы. — Она обернулась и одобрительно улыбнулась Надежде. — Так намного лучше. — Потом снова посмотрела на свое отражение. — Да нет... Вы просто волшебница! И как только в голову такое пришло?!

Усмехнувшись, Надежда потупилась:

— Это — моя работа.

Отметив пару недостатков в жакете, она прихватила их нитками и вышла из комнаты, позволив Ирине Ивановне спокойно одеться.

На немой вопрос администраторши Надежда чуть слышно ответила:

— Все хорошо...

— Можно я позвоню Соколову? — прошелестела Виктория одними губами.

— Звоните.

— Ну вот! — Из примерочной выглянула Рыбникова и, одернув блузу, спросила: — Когда костюм будет готов?

— Завтра. Сами заберете или нам привезти? — поинтересовалась Надежда.

— Помощник вам позвонит. — Ирина Ивановна обернулась, чтобы вернуться в примерочную, но вдруг застыла в дверях: — Где мой портфель?!

Надежда напомнила:

— Вы оставили его на комод.

— Где мой портфель?! — сорвалась на крик Рыбникова.

— Не знаю, — обескураженно проронила Надежда.

Они обе смотрели на гладкую поверхность комода. Портфеля с документами там не было.

На крик Рыбниковой прибежала администратор Виктория:

— Что случилось?

— У Ирины Ивановны пропал портфель с документами, — с удивлением в голосе проговорила Надежда.

— Как это пропал? — Виктория проскользнула в примерочную и огляделась. — Где он лежал?

— На комод! — Рыбникова кинулась вперед и стукнула рукой по комоду. — А теперь его нет!

— Куда же он делся?

— Это у вас нужно спросить! Немедленно верните портфель!

— Но я его не брала.

— Тогда кто его взял? — Ирина Ивановна воинственно подступила к Виктории: — Отвечайте!

— Не нужно кричать на девушку, — проговорила Надежда. — Виктория не могла взять ваш портфель. Она принесла

кофе и сразу же вышла. Не волнуйтесь, мы обязательно во всем разберемся.

— Я не могу ждать, пока вы разберетесь! Требую вернуть мой портфель, и я немедленно покину эту провальную яму! — Рыбникова на глазах теряла лицо. — Вы хоть понимаете, какими будут последствия? От всей вашей богадельни не останется камня на камне!

Виктория между тем поочередно выдвинула все ящики комода и обыскала всю комнату.

— Ну что? — спросила Надежда.

— Портфеля нигде нет.

— Как это нет?! — взвывала Ирина Ивановна. — Ищите! И не дай вам бог его не найти! — Она схватила сумочку, отбросила стул и ураганом пронеслась по примерочной. Затем, чуть успокоившись, отчеканила: — Его мог взять закройщик!

Виктория возразила:

— Валентин Михайлович не проходил дальше двери. Повесил костюм и сразу же вышел.

— Я видела портфель, когда мы с вами беседовали, — вмешалась Надежда. — После этого в комнату никто не входил.

— Здесь есть другой выход? — Рыбникова принялась руками шарить по стенам.

— Другого входа нет. Это примерочная.

— Окно?

— Вы же видите, окна тоже нет, — расстроено проговорила Надежда, осознавая весь ужас случившегося.

Ираида Самсоновна появилась как раз в тот момент, когда ее появление было необходимо:

— Все хорошо? — спросила она, уже понимая: что-то случилось.

— Исчез портфель с документами, — сказала Надежда.

— Его украли! — гневно крикнула Рыбникова.

— Это невозможно, — проговорила Ираида Самсоновна и осторожно поинтересовалась, обращаясь к Ирине Ивановне: — Вы уверены, что не оставляли его в машине?

Та возмущенно повернулась спиной.

Надежда сказала:

— Я видела его, мама. Он лежал на комод.

Ираида Самсоновна подошла к предполагаемому месту кражи портфеля:

— Отсюда его никто не смог бы забрать. Это невозможно. — Она обернулась: — Что бы вы ни говорили, я вызываю полицию.

— Никакой полиции! — крикнула Рыбникова, и все замерли.

Она вышла в гостиную, плотно прикрыв за собой дверь, так что Надежда, Ираида Самсоновна и Виктория остались в примерочной. Оттуда было слышно, как Ирина Ивановна говорит по телефону. Когда она вернулась, ее трудно было узнать. На смену истерике пришло злое спокойствие.

— Перекройте все выходы, — приказала она. — Никто никуда не выходит. Через полчаса сюда приедут люди. Они во всем разберутся.

ГЛАВА 2 МАСШТАБ БЕДСТВИЯ

Ираида Самсоновна и Надежда Раух сидели на диване в гостиной, как нежданные гости или бедные родственники. Напротив них, в кресле, сжалась в комочек администратор Виктория. Закройщик Валентин Михайлович стоял у стены, гордо выпрямив спину и сложив на груди руки.

Рыбникова непрерывно ходила по комнате до тех пор, пока в ателье не появились несколько мужчин в штатской одежде. Один из них, одетый в белую футболку и светлые джинсы, отвел Ирину Ивановну в сторону и, пока они говорили, поочередно оглядывал всех присутствующих. Мужчине было лет тридцать пять или чуть меньше. Его лицо можно было назвать красивым, если бы не шрам на левой щеке, который уродовал лицо, но только усиливал ощущение силы, которое излучал этот человек.

Понаблюдав за ним, Надежда пришла к выводу, что он из пришедших — старший.

Вскоре в ателье появились еще трое, среди которых была девушка, и принесли какие-то чемоданы. Все вокруг закружилось, существовало какой-то другой, тревожной и непредсказуемой жизнью. Сидевшие в гостиной хозяева казались здесь лишними.

Рыбникова наконец представила мужчину, с которым только что говорила:

— Это — Лев Астраханский, прошу всячески содействовать...

— Дальше я сам, — вмешался он, повел цепким взглядом и, задержавшись на Надежде, сказал: — Вы — Раух.

— Я, — ответила она, хотя он и не спрашивал, а утверждал.

— Сколько выходов из ателье?

— Два, — ответила за дочь Ираида Самсоновна. — Тот, через который зашли вы, и еще черный. Он выходит на подъездную лестницу и всегда заперт.

— Мне нужны ключи от всех дверей и всех помещений. — Астраханский обернулся и поискал кого-то глазами: — Ваня! Забери ключи и начинай. Вы, — он снова взглянул на Надежду, — идете со мной.

Она встала, затем испуганно оглянулась на мать.

— Ничего страшного... — прошептала Ираида Самсоновна.
— Ничего страшного, — повторил Лев и уверенно подошел к римской примерочной. Распахнув дверь, обернулся: — Ну что же вы, Надежда Алексеевна? Прошу...

Заходя в примерочную, Надежда нечаянно задела мужчину локтем, и это прикосновение как будто ее обожгло. Она села на стул.

Астраханский плотно прикрыл дверь и обернулся.

— Поговорим?

— Но прежде, — возразила Надежда, — вы объясните, что происходит.

Лев ненадолго задумался, а вслух произнес:

— В вашем ателье украли портфель. В нем — важные партийные документы. Я здесь, чтобы решить этот вопрос.

— Зачем столько людей?

— Искать пропажу.

Надежда опустила глаза:

— Вы из полиции?

— Нет.

— Тогда почему не вызвали полицейских?

— В руководстве партии считают, что нельзя поднимать шумиху. Вам известно, что Ирина Ивановна Рыбникова балотируется в депутаты Государственной думы?

— Я слышала.

Глядя на нее, он внятно спросил:

— Догадываетесь, о чем буду спрашивать?

— Предполагаю.

— Давайте сделаем так: сначала вы мне расскажете, как все было.

— А вопросы?

— Вопросы будут потом.

— С какого момента начать?

— С того, когда вы впервые заметили портфель Ирины Ивановны.

— Она положила его на комод, как только зашла в эту комнату.

— Это я знаю. И, как видите, портфеля там нет. — Он снова спросил: — А когда видели его в последний раз?

— После того как администратор Виктория принесла нам кофе.

— Администраторша сразу вышла?

— Конечно.

— Вы с Рыбниковой говорили или примеряли одежду?

— Сначала говорили.

— О чем?

Надежда слабо пожала плечами:

— О разном. О жизни, о работе. Примерка была сложной: я предложила Ирине Ивановне изменить силуэт брюк...

— Меня это не занимает. — Астраханский прошелся по комнате. — Кто еще заходил сюда, пока вы говорили и примеряли?

— Никто.

— Вы уверены в этом?

— У меня есть глаза.

— Могли увлечься работой и не заметить. Сами сказали: примерка была сложной.

— Сюда никто не смеет зайти, когда я с клиенткой. Это — закон.

Лев оглядел стены и потолок:

— В комнате есть видеонаблюдение?

Надежда покраснела:

— Как можно!

— Ах да... Понимаю — здесь раздеваются женщины.
— Видеонаблюдение только на входе. У нас конфиденциальная атмосфера. Нам доверяют.

— Искренне верю... — Астраханский взялся за спинку стула, на котором сидела Надежда, другой рукой вцепился в край венского столика и, наклонившись к ней, тихо сказал: — Дело в том, что вы не можете не знать, куда делся портфель.

— Я вызову полицию! — заявила Надежда, не зная, как еще себя защитить.

Лев выпрямился и, будто нехотя, бросил:

— Ваше право.

— Поймите, — разгоряченно проговорила она. — Я, как и вы, не понимаю, что происходит. Я не знаю, куда мог деться портфель. Просто в какой-то момент он исчез, и все.

— И все? — с улыбкой переспросил Астраханский.

— В конце концов, можете все обыскать. Я не возражаю.

— Не возражаете?

— Нет, не возражаю.

Лев язвительно усмехнулся:

— Здесь не просто все обыщут. Здесь все разберут на молекулы.

— Не смейте мне угрожать.

— Я не угрожаю, а ставлю в известность или информирую, если хотите. — Его голос звучал умиротворенно, он словно размышлял вслух: — Окон здесь, вижу, нет.

— Нет и никогда не было, — сдержанно проговорила Надежда.

— Конспиративные двери, тайные выходы?

— Вы издеваетесь?

— Сами сказали — в ателье конфиденциальная атмосфера.

— Не до такой степени! — резко обрнула она.

Астраханский оглядел ее с ног до головы:

- Вы, кажется, известный человек...
  - В определенных кругах.
  - Что имеете в виду?
  - Всего лишь модный мир столицы.
  - Значит, вы — стилист?
  - Не люблю это слово.
  - Тогда как?
  - Модельер.
  - Это по-русски. А то, знаете, чуть деньги появятся, любая дуреха — стилист или модель.
  - Ко мне это не относится.
  - Знаю: вы окончили академию, в Лондоне стажировались.
  - Откуда вам это известно?
  - Полчаса в дороге плюс Интернет. — Он помолчал. — Значит, окон нет, дверь одна, никто не входил и не выходил?
  - То же самое подтвердит Ирина Ивановна.
  - Она как раз сказала, что отвлекалась и ни за что поручиться не может. В зеркало, что ли, смотрела...
  - Мне нечего добавить. — Надежда встала со стула.
- Лев подошел ближе:
- Не верю я вам. Вы врете. И ваша мать тоже врет.
- Глядя в его лицо, Надежда заметила, как вздулась и пульсирует жилка у него между бровей.
- Моя мать ни при чем, — сказала она.
  - Ее сейчас допрашивают, как и всех ваших работников.
  - Когда начнется обыск?
  - Он уже идет.
  - И долго будет продолжаться?
  - Пока не найдем портфель.

— А если не найдете?
— Найдем, — заверил ее Астраханский.
— Нам нужно работать! — запротестовала Надежда и, кажется, нашла аргумент: — На сегодня назначены еще три примерки.

— Придется все отменить.

— Это невозможно, — с напряжением в голосе проговорила она. — Все клиентки — солидные дамы: жена сенатора, народная артистка и высокопоставленная чиновница из Следственного комитета.

— Мне наплевать. И, кстати, вы должны пройти личный досмотр.

— Вот уж нет! — Надежда рванулась к двери, но он ее придержал. — Не нужно драматизировать. Вы сами ввязались в эту историю.

В дверь постучали. В комнату вошла темноволосая девушка с «конским хвостиком», в ее руках был небольшой чемодан.

— Еще занят?

— Можешь приступить, Лариса, — сказал Астраханский, но перед тем, как покинуть примерочную, снова обратился Надежде: — После досмотра пройдете в гостиную. Оттуда ни ногой!

* * *

Когда Надежда вышла в гостиную и встретилась глазами с Ираидой Самсоновной, сразу поняла: ее уже обыскали. В лице матери были какая-то пристыженность и беспокойство за дочь.

— Все нормально? — спросила Ираида Самсоновна.

Надежда молча кивнула и опустилась на диван рядом с матерью.

Валентин Михайлович Соколов, с тревогой наблюдавший за ними, все так же стоял у стены. К нему подошел мужчина и взял его за руку:

— Пройдемте...

Закройщик отдернул руку:

— В чем дело?

— Личный досмотр.

— Я никуда не пойду!

На шум пришел еще один человек из команды Льва Астраханского:

— Вы пожилой человек. Не упрямитесь и не заставляйте нас применять силу.

— Не смейте меня трогать! — Соколов выпрямился и с вызовом отбросил со лба волнистую прядь волос.

К нему подошла Ираида Самсоновна:

— Валентин Михайлович, прошу вас подчиниться, — она понизила голос: — Все равно не отстанут. В конце концов, они должны знать, что мы ни при чем.

— При всем уважении к вам, — закрыщик прикоснулся рукой к груди и возмущенно оглядел обоих мужчин. — Одна только мысль, что эти люди будут прикасаться ко мне...

Не дав ему закончить, вмешалась Надежда:

— Прошу вас, не осложняйте и без того ужасную ситуацию.

Возможно, оттого, что в голосе хозяйки прозвучало отчаяние, Валентин Михайлович позволил себя увести. Когда спустя десять минут закрыщик вернулся, по нему было видно, что он оскорблен.

Гостиную пересек мужчина с чемоданом. Он зашел в примерочную, присоединившись к Ларисе, которая теперь проводила обыск. В чемоданах, скорее всего, кроме перчаток и реактивов было оборудование, позволяющее просвечивать стены.

Подумав об этом, Надежда вдруг осознала, что до сих пор недооценивала масштабы бедствия, и если она не потеряет свой бизнес — это будет большой удачей.

— Примерки перенесли? — спросила Надежда.

— До всех дозвонились, — ответила Ираида Самсоновна. — Но дату примерок не назначили. Один бог знает, чем все это закончится.

В течение нескольких часов в гостиной ничего не менялось. Иногда кто-нибудь из команды Льва Астраханского пересекал ее быстрым шагом и скрывался в коридоре, ведущем в пошивочный цех, или поднимался на верхний этаж, где были административные помещения.

Когда на пороге появился сам Астраханский, Надежда спросила:

— Что-нибудь нашли?

— Мы ищем не что-нибудь, а портфель с документами.

— Нашли? — переспросила она.

— Нет. — По тому, как он это сказал, было ясно, что ничего хорошего не предвидится.

— Что же теперь?

Заметив сумочку Рыбниковой, Лев огляделся:

— Ирина Ивановна здесь? Где она?

— Не знаю, — ответила Ираида Самсоновна. — Она давненько сюда не заходила.

— Насколько давно? — Он вытащил телефон, нажал кнопку вызова и приложил его к уху. Прислушавшись, дал отбой. — Вне зоны. Не понимаю...

Виктория тихо заметила:

— Возможно, она в машине.

Астраханский велел охраннику отпереть наружную дверь и вышел на улицу. Через минуту вернулся:

— Шофер сказал, что не видел ее с утра.

Охранник чуть слышно заметил:

— С тех пор, как вы приехали, отсюда не вышел ни один человек.

— Где же Рыбникова? — Лев Астраханский напрягся. — Мы договорились: она ждет и никуда не уходит.

— Сумочка здесь, значит, и она сама где-то рядом.

Через несколько минут все, кто до сих пор обыскивал помещения и допрашивал работников, искали Ирину Ивановну. Искали в ателье, на лестнице черного хода, на чердаке, в подвале и на близлежащей территории. Но поиски ни к чему не привели. Рыбникова исчезла.

По истечении двух часов все собрались в гостиной.

— Ее нигде нет, — констатировал Лев и посмотрел на часы. — В рабочий кабинет звонили? Домой?

Кто-то ответил:

— Ирина Ивановна не появлялась нигде.

— Запись камеры наблюдения просмотрели?

— Так точно. Из ателье не выходила.

— Где же она, черт побери?! — Он перевел взгляд на Надежду: — Как я уже говорил: чудес не бывает. Здесь кто-то врет, и этот кто-то дорого за это заплатит.

Надежда опустила глаза, решив, что, если бы она выбирала врага, Лев Астраханский был бы последним из всех, кого она знает.

В вестибюле раздался звонок, и оттуда пришел охранник:

— За дверью полиция.

— Что? — спросил Астраханский.

— У подъезда полицейский фургон. На крыльце три человека в форме. Что делать?

Выдержав паузу, Лев тихо сказал:

— Делать нечего. Придется впустить.

ГЛАВА 3 ПАРТИЙНОЕ ЗАДАНИЕ

Входная дверь отворилась, в вестибюль ателье зашли несколько полицейских. Тот, что шел первым, проследовал в гостиную, где находились Ираида Самсоновна, Надежда, администратор Виктория, закройщик Соколов, Лев Астраханский и вся его группа.

— Здравствуйте! — офицер полиции огляделся, определяя, с кем говорить. — Что тут у вас случилось?

— А в чем дело? — вопросом на вопрос ответил Лев Астраханский.

— Звонок поступил. Кто из вас Раух?

— Я, — Надежда встала с дивана.

Вместе с ней поднялась Ираида Самсоновна:

— Я — Раух. И это я вам звонила.

— Мама... — обескураженно проговорила Надежда.

— Молчи! — приказала ей мать. — Дело зашло слишком далеко! — Она снова обратилась к офицеру полиции: — Женщина пропала, наша клиентка. Ее машина с водителем с утра у подъезда. Сумочку оставила... Была здесь и вдруг исчезла. На звонки не отвечает, домой не вернулась. Один бог знает, что с ней случилось.

— Фамилия?

— Моя?

— Вашу я знаю. Фамилия пропавшей. Кем вам придется?

— Повторяю: она — наша клиентка, Ирина Ивановна Рыбникова.

— Подождите! — вмешался Астраханский. — Давайте все по порядку...

— Вы кто такой? — спросил у него полицейский, в голосе которого прозвучала издевка.

— Какая вам разница?!

— Тогда стойте, помалкивайте. — Полицейский снова обратился к Ираиде Самсоновне: — Так вы говорите, пропала женщина? Пожалуйста, повторите ее имя?

— Ирина Ивановна Рыбникова.

— Не та ли это Рыбникова...

— Не та! — нагло влез Астраханский.

— Молчите! Или вас увезут в отделение, — пообещал офицер. — Рыбникова Ирина Ивановна — член политсовета партии «Возрождение демократии»?

— Она самая, — кивнула Ираида Самсоновна.

— Это в корне меняет дело... — Полицейский снял фуражку и почесал в затылке: — Такие дела находятся в юрисдикции ФСБ.

Между тем в гостиной появился охранник и шепотом произнес:

— На улице люди с видеокамерами.

Лев Астраханский бросился к окну, откинул занавеску и посмотрел в темноту. Его тут же осветила фотоаппаратная вспышка.

— Черт! — вскрикнул он.

— Угомонитесь вы, наконец? — Офицер демонстративно вынул из кармана наручники.

Лариса, единственная девушка из группы Астраханского, умоляюще попросила:

— Лев, пожалуйста, успокойся...

В ту же минуту снова прозвенел дверной звонок. Он звучал напористо, непрерывно, как будто тот, кто нажимал на кнопку, ни на секунду не отнимал от нее пальца.

— Эт-т-то еще что такое! — офицер сам подошел к двери и, распахнув ее, выкрикнул: — В чем дело?!

Решительно оттолкнув его, в ателье ввалился плечистый человек мощного телосложения, за спиной которого маячили такие же двое. Выставив подбородок, он осмотрел помещение поверх голов полицейских:

— Где Астраханский?!

— Я здесь, Геннадий Петрович. — Лев вышел вперед.

— Что здесь происходит? Зачем на улице журналисты?

— Я их не приглашал.

— Кто вызвал полицию?

Ираида Самсоновна с вызовом сообщила:

— Полицию вызвала я! Вы кто такой? По какому праву врываетесь в частное заведение?

— Убери ее! — приказал Геннадий Петрович.

Астраханский жестом попросил женщину замолчать.

— Что-то я не пойму... — Полицейский исподволь взгляделся в лицо пришедшего. — Вы — Селиванов?

— А ты — дурак? — живо отреагировал тот. — Пшел вон! И болванов своих забери! Честь должны отдавать, а не задавать глупые вопросы! Перед тобой председатель партии «Возрождение демократии», депутат Государственной думы, член Комитета по безопасности.

— Прощения прошу, — офицер козырнул. — Здесь женщина пропала. Предполагаю убийство. Надо бы разобраться...

— Кто такая? — Селиванов посмотрел на Льва Астраханского.

— Ирина Ивановна.

— Рыбникова? — Геннадий Петрович вдруг заорал: — Что за бред! Я говорил с ней десять минут назад!

— На улице машина с водителем, — осторожно заметил Лев. — В гостиной — ее сумка.

— Она просила отдать водителю сумку и пусть уезжает.

— Ну так что же? — Астраханский непроизвольно взглянул на Ираиду Самсоновну.

Та развела руками.

— Тогда мы уходим. — Полицейский еще раз козырнул и увел своих подчиненных.

Когда они выходили, из-за двери показались любопытные лица. Какой-то тип юркнул внутрь и успел щелкнуть затвором фотоаппарата. Охранники Селиванова выкинули его на улицу и захлопнули дверь.

— Гони-ка ты их всех отсюда, — распорядился Геннадий Петрович.

— Кого всех? — спросил Астраханский.

— Персонал, хозяев... Кого там еще?

— Портных и закройщиков. Всего двадцать два человека.

— Вот всех и гони.

— Дело в том... — Лев повернулся спиной к остальным и тихо сказал: — Портфель мы не нашли...

Геннадий Петрович впился в него глазами и прошипел:

— Ты хоть понимаешь, что говоришь?..

— Понимаю.

— Да я тебя... — Селиванов сжал кулак и потряс им в воздухе. — Сотру в порошок...

— Пожалуйста. Только делу это никак не поможет.

— Отойдем... — Геннадий Петрович двинулся к выходу. Лев Астраханский — за ним. Охранники тотчас отгородили их от гостиной, чтобы никто не слышал, о чем они говорят.

У двери Селиванов продолжил:

— Послушай, Лев... Мне плевать, как ты найдешь этот портфель. Просто верни мне то, что лежит в нем. Считай это партийным заданием.

- Я не член вашей партии. Работаю по контракту...
  - Ну-ну... — Селиванов смерил его презрительным взглядом. — Так найди его по контракту. А не то...
  - Давайте без этого. Я не пугливый.
  - Найдешь?
  - Наверняка обещать не могу.
  - Но ты должен стараться.
- Лев намеренно ничего не ответил, однако задал вопрос:
- Где сейчас Рыбникова?
- Селиванов пожал плечами:
- Понятия не имею.
  - Но вы же сказали, что говорили с ней?
  - Соврал.
  - Значит...
  - А ты хотел, чтобы в дело ввязалась полиция, за ними — пресса, а потом еще ФСБ? — Геннадий Петрович исподлобья прищурился и опустил тяжелую руку на плечо Астраханского: — Нет, милый мой. Придется тебе постараться. Любые средства привлекай, денег сколько надо дадим. Только найди Рыбникову и портфель. И вот что... Сделай так, чтобы все держали языки за зубами.

Он выразительно помахал в воздухе указательным пальцем и вышел за дверь. Охранники, растолкав журналистов, расчистили ему дорогу до белого «Кадиллака».

* * *

Работники ателье разошлись за полночь. К тому времени возле дома уже не осталось ни одного журналиста. Надежде пришлось смириться с тем, что Астраханский и вся его команда остались в ателье с охранником, иначе бы ей самой пришлось там ночевать. К счастью, портные и закройщики не

задавали лишних вопросов, и это несколько смягчило гадкую ситуацию.

Надежда вышла последней, когда Ираида Самсоновна уже уехала. Переходя дорогу и направляясь к своей машине, она думала о том, что ее карьера и вся привычная жизнь теперь под ударом. Что за силы поставили ее под удар? Кто и когда завел страшный механизм, который вот-вот ее уничтожит? Надежда была уверена, что не сделала ничего, чтобы заслужить такую суровую кару.

Пройдя всего несколько метров, Надежда вдруг зажмурилась от яркого света. Раздался скрип тормозов, и она почувствовала ощутимый толчок.

— С ума сошли?! — крикнул мужской голос. — Лезете под колеса!

Рядом застыл светлый автомобиль. Хлопнула дверца, и к ней подбежал хорошо одетый мужчина. По тому как решительно он это сделал, Надежде вдруг показалось, что ее будут бить.

— Пожалуйста, не надо! — она вскинула руки. Сумочка упала на асфальт, из нее вывалилось все, что было внутри.

Мужчина присел на корточки, все подобрал, сложил в сумку и протянул Надежде. Такая галантность ее удивила:

— Простите меня, не заметила, — проговорила она.

— Да вы просто сиганули мне под колеса!

— Я шла к машине.

Он огляделся и, указав рукой, спросил:

— Ваша?

— Моя.

— Кажется, я прилично задел вас. — Мужчина ошупал ее взглядом.

— Кажется, да... — Надежда поморщилась и потеряла бедро.

— Не отвезти ли вас в приемный покой? Только предупреждаю: я не стану вызывать гибэдэдэшников.

— В больницу я не поеду и на гаишниках не настаиваю.

— Что ж... Дело ваше, — мужчина внимательно взгляделся в ее лицо: — Мне кажется, или мы с вами знакомы?

— Вам кажется. Мне часто так говорят. — Теперь и она его разглядела. А разглядев, засмушалась, уж очень он был хорош — просто картинка: высокий, спортивный, темноволосый. Надежда ощутила истому влюбленности. Там, где предположительно обитала душа, шевельнулось давно забытое чувство.

— Ну тогда до свидания! — Мужчина улыбнулся и пошел к своей машине. Когда он сел за руль, Надежда все еще смотрела в его сторону.

Включив двигатель, он выглянул в окно:

— Дадите свой номер?

Не исключая такую возможность, она все же спросила:

— Зачем?

— Я в некотором смысле за вас отвечаю. Мало ли что... Вдруг не доедете?

Надежда продиктовала свой номер, и он уехал.

Решив, что даже в беспросветной пучине бед случаются приятные вещи, она тоже села в машину и направила ее к дому.

ГЛАВА 4 БЫВШИЙ

Очувтившись дома, в своей квартире, Надежда испытала блаженство. Ей казалось, что здесь уже ничего не может случиться и все плохое осталось за этими стенами.

Но уже через мгновение она поняла, что ошиблась.

Следы чужого присутствия были едва различимы, но их можно было заметить: ваза, переставленная с одного края письменного стола на другой, задернутые шторы, сдвинутый шкаф.

Обойдя всю квартиру, Надежда двинулась в спальню, открыла шифоньер и там обнаружила перемены. На первый взгляд ничего не пропало, по счастью, деньги и золотые украшения хранились в рабочем сейфе.

Не медля ни минуты, она позвонила Льву Астраханскому:

— Совсем одурели!?

— Кто это?

— Надежда Раух!

— Откуда у вас мой телефон?

— Да вы же сами дали визитку.

— Ах да... — Лев наконец вспомнил: — Что вам нужно?

— Ладно, ателье обыскали. Но зачем в квартиру залезли?!

— Идите вы к черту... — проговорил он уставшим голосом. — А лучше идите спать. — И положил трубку.

Тогда она позвонила матери.

— Что стряслось? — всполошилась Ираида Самсоновна.

— Кто-то побывал в моей квартире.

— В каком смысле?

— В вещах рылись, будто что-то искали.

— С чего ты взяла?

— Мама! — воскликнула Надежда. — Я не слепая!

— Ну вот что... — Ираида Самсоновна собралась с духом. — Не хотела тебе говорить, но у меня плохое предчувствие. Возможно, это как-то связано с тем, что случилось сегодня.

— А я-то думала, что все самое страшное уже позади, — прошептала Надежда.

- Возьми себя в руки.
- Легко сказать, мама.
- И завтра же поменяй дверные замки, — распорядилась Ираида Самсоновна.
- Ты тоже.
- Мне-то зачем?
- Мало ли...
- Об этом не беспокойся. Из квартиры что-нибудь пропало?
- На первый взгляд — нет. Может, вызвать полицию? — спросила Надежда.
- И ты серьезно думаешь, это что-то изменит? — с иронией в голосе поинтересовалась Ираида Самсоновна. — Могу дать хороший совет.
- Ну?
- Звони Фридмановичу.
- Марку? — Надежда не поверила в то, что услышала. — И это говоришь мне ты?
- И что? — Ираида Самсоновна усмехнулась: — Не отрицаю, Фридманович никогда мне не нравился. Но это ничего не меняет. Твой бывший умеет решать вопросы.
- Помолчав, Надежда сказала:
- Мне нужно подумать.
- Подумай, но со звонком не затягивай, иначе можешь все потерять. Вот что ужасно...
- Конечно, мать была права насчет Фридмановича, однако Надежде трудно было решиться на этот звонок.
- Я подумаю, — повторила она и вдруг поменяла тему: — Послушай, мама, давно хотела спросить. Десять лет назад, когда мы выбирали помещение под ателье, почему ты остановилась на этом?

Ираида Самсоновна удивилась:

- А почему ты спрашиваешь сейчас?
- Просто пришло в голову. Ну так почему?
- Кажется, я тебе уже говорила...
- Не помню, — возразила Надежда.

— Ну, во-первых, в этом доме одновременно продавались две большие квартиры, одна над другой, а это, как ты сама понимаешь, редкость...

— Но ведь можно было купить коммерческую недвижимость, уже переведенную в нежилой фонд.

— Тогда это не имело никакого значения. Ты была молодой и не слишком интересовалась делами. Тогда как твоему Фридмановичу любой вопрос был по плечу. Он за считанные дни перевел помещения в нежилой фонд.

— И все-таки?

— Почему? — Ираида Самсоновна заговорила несколько мягче: — Мне всегда нравились Замоскворечье и Якиманка. Помню этот дом с раннего детства, мы с мамой приезжали туда в гости к ее подруге или родственнице, теперь уж не вспомнить. Какая-то старушка угощала меня большими круглыми конфетами красного цвета. Они были похожи на гигантское драже.

— Где именно находилась ее квартира? В каком подъезде? На каком этаже?

— Не помню. В те времена весь дом был жилым. Никаких ателье, магазинов или аптек в нем и в помине не было. С тех пор прошло лет шестьдесят. Иногда мне кажется, что на самом деле ничего этого не было: ни конфет, ни старухи, ни меня маленькой. — Вздохнув, Ираида Самсоновна заключила: — Звони Фридмановичу.

* * *

История взаимоотношений с человеком, которому Надежда отдала восемь лет своей жизни, по-своему занимательна, но, в общем, банальна.

Его звали Марк Фридманович. Он был богат, возможно, поэтому женился на другой, когда они с Надеждой уже встречались. Отец мадам Фридманович был крупным промышленником. Как говорится, деньги к деньгам.

Надежда любила его и верила, что он разведется. Но как только поняла, что этого не случится, разорвала отношения, хоть и не до конца его разлюбила. На сердце было гадко, поэтому и захотелось все изменить.

Значительным бонусом к восьми потраченным годам стало помещение ателье, оплаченное Фридмановичем и оформленное на ее мать. Невзирая на то что Ираида Самсоновна его не любила, Марк считал ее благоразумной особой, чего не мог сказать о Надежде. Она казалась ему взбалмошной, безответственной и молодой. Со временем последний недостаток исчез, а с ним и два остальных. Надежда сделалась первоклассным профессионалом и получила признание, но уже в отсутствие Фридмановича. И вот уже четыре года их ничего не связывало, но теперь ему нужно звонить и просить о помощи, точнее — о защите.

Надежда колебалась недолго, что ни говори, другого выхода у нее не было.

— Ма-а-арк... — Так распевно его имя произносила только она.

Он узнал ее сразу:

— Надюша?! Вот уж не ожидал!

— Можем поговорить?

— Ну конечно!

— Нам нужно встретиться.

— Вернуться ко мне хочешь или по делу? — Фридманович всегда называл вещи своими именами.

— По делу, — торопливо проговорила она. — Нужна твоя помощь.

— Это срочно?

— Боюсь, что до завтрашнего дня многое может измениться.

— Связано с тобой или с бизнесом?

— И то и другое...

К бизнесу Фридманович относился серьезно:

— Куда мне приехать?

— Лучше ко мне домой.

— Еду.

В ожидании Марка Надежда поправила макияж, надела красивое платье и внимательно себя оглядела: лицо несколько бледное, но бледность только подчеркивала голубизну ее глаз. Светло-русые волосы — блестящие и живые. Кожа — загорелая, в самый раз для июля. Ей было известно, «бывшие» судят строже.

Фридманович явился с дорогими духами. Он был материальным человеком и дарил только достойные вещи

— Вот это ты зря... — заметила она и, не удержавшись, съязвила: — Ну ничего, своей жене унесешь.

— Жене я куплю другие, — ответил он, и сделалось ясно, что ссоры этой ночью в его планы не входят.

Они прошли в комнату, где был приготовлен чай.

— Прости, что позвонила так поздно.

— Ты, кстати, застала меня на работе... — Педантично поддернув брюки, он сел и взял в руки чашку.

Она взглянула на часы:

— Половина третьего ночи.

— Такое и раньше бывало. — Марк осторожно добавил: — Еще при тебе.

— С той только разницей, — уточнила Надежда, — что ты был у меня, а жене говорил, что работаешь.

— Ничего не меняется. — Он вежливо улыбнулся: — Я снова здесь, а жена думает, что я на работе.

Последние слова Фридмановича задели Надежду, как будто их расставание случилось не четыре года назад, а предстояло только сейчас.

— Лучше перейдем к делу, — проговорила она и последовательно пересказала все, что случилось, упустив только одно — ночную встречу с незнакомым красавцем.

Выслушав ее, Марк Фридманович вытащил телефон. Порывшись в нем, произнес:

— Рыбникова — не та фигура, которая снесет тебе голову. Тем более очевидно, что ты сама портфель не брала. А вот Селиванов... Скажем так: дело дрянь, но можно попробовать.

— Что? — Не сдержавшись, Надежда закусила губу.

— Селиванов — это фигура. Он может переехать любого, да так, что потом костей не собрать. Нужно вывести тебя из-под удара и со всей очевидностью доказать, что ни у кого из твоих работников не было причин красть этот портфель.

— Марк! — вскрикнула Надежда.

Фридманович протянул руку и доверительно сжал ее кисть:

— Я всего лишь просчитываю возможные варианты и думаю наперед. Тебе нужен хороший адвокат. Я сам займусь этим делом.

— Ты?

— Я — адвокат и, смею заметить, очень хороший!

— Знаю, просто не хочу быть обязанной.

— А разве ты не попросила о помощи? Если хочешь, можешь мне заплатить. С удовольствием пришлю тебе счет.

Уже через несколько мгновений этот вариант показался Надежде приемлемым, и она почти согласилась:

— Ну, предположим... Но что ты собираешься делать?

— Нужно подумать. — Марк потянулся и обнял ее за плечи: — Будь уверена: в беде тебя не оставлю.

Поддавшись желанию, Надежда придвинулась и в ту же минуту оказалась в его объятиях.

— Боже мой... — прошептал Фридманович. — Мне так тебя не хватало... Тысячу раз представлял себе это мгновение. — Запрокинув ей голову, он стал ее целовать и настойчиво склонять на диван.

— Не надо... — Надежда вырвалась и повторила чуть тверже: — Не надо!

— Почему? — с обидой спросил Марк.

— Зайдем на очередной круг отношений, и не будет им ни конца ни края. Я пережила эту боль и не хочу повторяться.

— Мы были счастливы. Ты разве не помнишь?

— Помню.

— Тогда почему всегда все разрушаешь?

— Прошу тебя, Марк. Я знаю: ты можешь мне все объяснить, и я опять останусь ни с чем, — проговорила Надежда.

— Не будь такой прагматичной. В любви нет проигравших. Любовь — это взаимное счастье. Любовь — это радость. В конце концов, мы же не чужие друг другу... — Он мягко при-

влек ее к себе и прошептал: — Мне знакома каждая клеточка твоего тела, каждый уголок, каждая родинка...

— Что ты делаешь, Марк? — пролепетала Надежда и обвила руками его шею.

На этот раз она твердо решила получить то, чего хотела больше всего, — просто побыть счастливой.

ГЛАВА 5 РАБОЧИЕ МОМЕНТЫ

Секс с бывшим любовником может быть фееричным, качественным и запоминающимся. Циничная формула, но она вписывается в рамки ностальгической привязанности с изрядной долей романтики.

Марк Фридманович ушел, когда рассвело. Он был нежен, внимателен и преисполнен благодарности за проведенную ночь любви. Казалось, не было четырех лет разлуки. Старое чувство захлестнуло их с новой силой, скрепив неодолимой зависимостью друг от друга.

Поцеловав ее на прощание, Марк пообещал приехать к ней вечером.

Надежда не ожидала от себя таких перемен: она вдруг сделалась мягкой, податливой и влюбленной. К ней вернулось ощущение плеча, на которое можно положиться в трудный момент. Надежда чувствовала себя возрожденной, готовой ко всему: и к любви, и к борьбе.

В таком расположении духа она пришла на работу.

— Что с тобой? — спросила Ираида Самсоновна. Она как никто другой знала дочь и видела перемены.

— А где же Лев и его команда? — Надежда поочередно заглянула в примерочные.